

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Владислав Кулаков, Михаил Павловец.</i> Лианозово: Введение.	5
<i>Владислав Кулаков.</i> Дело житейское: Лианозовская школа.	16

Лианозово в контекстах

<i>Михаил Павловец.</i> «Лианозовская школа» и «конкретная поэзия»	32
<i>Алена Махонинова.</i> «Всеволод Некрасов и его круг»: Чехословацкие публикации шестидесятых годов, посвященные авторам «лианозовской школы»	60
<i>Данила Давыдов.</i> «Лианозово» и примитивизм	94

«Лианозово» и визуальное

<i>Вера Весенн.</i> «Наши художники и мы»	124
<i>Клавдия Смола.</i> «Лианозово» как мультимедиаальный артефакт	153
<i>Томаш Глани.</i> «Нужно уметь / разглядеть это»: Экскрементальный реализм в цикле «Моча и гавно» Игоря Холина	171

«Лианозово» в портретах

Евгений Кропивницкий

<i>Массимо Маурицио.</i> Архаист и новатор: Евгений Кропивницкий.	192
<i>Павел Успенский.</i> Появление нового поэтического субъекта: Поэзия Евгения Кропивницкого конца 1930-х — 1940-х годов	212
<i>Валерий Шубинский.</i> Загробная жизнь поэтики: Евгений Кропивницкий и Андрей Николев.	243
<i>Марко Саббатини.</i> Анализ одного стихотворения: Евгений Кропивницкий. «Секстины».	254

Игорь Холин

- Александр Житенев.* Как сделана проза Игоря Холина . 265
- Алексей Бокарев.* Поэтическая стратегия
миромоделирования в «Жителях барака»
И. Холина и «Эдеме» А. Цветкова. 280
- Игорь Левшин.* Холин как Берроуз,
или Космос как барак 295
- Илья Кукуй.* «Небольшая поэма» большого поэта 311

Генрих Сапгир

- Юрий Орлицкий.* Введение в поэтику Сапгира:
Система противопоставлений и стратегия
их преодоления. 322
- Наталья Азарова.* Язык мистики у Генриха Сапгира . . 355
- Татьяна Семьян.* Сюрреалистическая техника
прозы Генриха Сапгира 364
- Дарья Суховей.* Анализ одного стихотворения:
Генрих Сапгир «Бутырская тюрьма в мороз» 386

Всеволод Некрасов

- Михаил Сухотин.* Мозаичность композиции
и ретроспективное самоцитирование в стихах
Вс. Некрасова 412
- Галина Зыкова, Елена Пенская.* Всеволод Некрасов
и советская культура «для детей»: Хроника 458
- Джеральд Янчек.* Всеволод Некрасов —
мастер паронимии 503
- Энсли Морс.* Анализ одного стихотворения:
Вс. Некрасов «Ленинград / Первый взгляд», 1966 524

Ян Сатуновский

- Кирилл Корчагин.* «Констриком, но с новолетофемским
уклоном»: Ян Сатуновский и эволюция
конструктивистской поэтики 547
- Георг Витте.* «Вместо приблизительной точности —
точная приблизительность»:
«Бедная поэзия» Яна Сатуновского 572

Галина Зыкова, Елена Пенская. Ян Сатуновский:
материалы к изучению творчества
и литературного контекста 593

Илья Кукулин. Вид на берег с руинами прогресса:
О стихотворении Яна Сатуновского
«Пришел рыбак...» (1966). 625

...и ближайшие окрестности:

Эдуард Лимонов

Александр Жолковский. Заметки о «Поэзии
аграмматики» Эдуарда Лимонова 638

Филипп Коль. Автор как тавтолог: Лимонов и Пригов. . . 664

Михаил Соковнин

Алексей Конаков. Поэтика знаточества:
«Предметники» Михаила Соковнина 677

Публикации

Лизл Уйвари. Неофициальная советская поэзия:
Введение 698

Гюнтер Хирт, Саша Вондерс. Из предисловия
(К изд. Лианозово-92 и тура поэтов по Германии). . . . 707

Ойген Гомрингер. «Живу и вижу» —
лирика мира по-русски 716

Всеволод Некрасов. <В Лианозово меня
привезли осенью 59...> 723

Всеволод Некрасов. Лианозовская чернуха 734

Переписка Евгения Кропивницкого
с поэтами «Лианозовской школы» 746

Избранная библиография. 789

Указатель имен 811

Перечень авторов 828

Владислав Кулаков, Михаил Павловец

ЛИАНОЗОВО:
ВВЕДЕНИЕ

Понятие «Лианозовской школы» или «Лианозовской группы» достаточно давно вошло в лексикон как ценителей поэзии, так и ее исследователей. Чуть менее известны другие названия этого сообщества — «барачные поэты», «русский конкретизм» — может быть, потому, что далеко не все из поэтов, с чьими именами связывается принадлежность к «Лианозову», без оговорок могут быть помещены под данными «ярлыками»... По большому счету, и «Лианозовская школа/группа» именно как школа и как художественно-поэтическая группа — явление, существующее больше в читательском восприятии, чем в социофизической реальности (о чем не раз и на разные лады будет сказано в целом ряде работ, составивших настоящий том). Однако, как известно, читательское восприятие — куда более прочная «скрепа», чем даже реальные человеческие или творческие связи, бывшие между поэтами и художниками: оно точно так же преувеличивало единство и многих поэтических групп Серебряного века, программную солидарность поэтов, некогда оставивших свои подписи под Декларацией ОБЕРИУ, мифологизировало цельность «ахматовского кружка» или ленинградской «филологической школы», вовсе не оставивших после себя никаких манифестов или программных сборников, которые бы очерчивали их круг...

Критики и литературоведы имеют право — и даже должны — проблематизировать любые генерализации и подведения общей черты, но они вынуждены учитывать и то, как, может быть, недостаточное или даже ложное определение осваивается культурой и присваивается ее носителем и потребителем. Так, героическое усилие Омри Ронена, вслед за своим учителем Романом Якобсоном пытавшегося оспорить в своей известной книге «Серебряный век как вымысел

и умысел»¹ адекватность определения «Серебряный век» применительно к эпохе рубежа XIX–XX веков, привело к тому, что мы глубже стали понимать и своеобразие этого времени и его культуры, и истоки понятия — но не отказались от него в пользу иных, может быть, научно более адекватных. Так и для составителей и авторов настоящего тома понятие «Лианозовская школа/группа» — прежде всего удобная рамка, в которой можно рассмотреть творчество ряда значительнейших авторов второй половины XX века в их взаимных отражениях и взаимодействиях между собой и другими фигурами и явлениями данного периода.

Составители тома «Лианозово» прежде всего ориентировались на опыт подготовки и выпуска тома в издательстве «Новое литературное обозрение» «Неканонический классик», посвященный наследию Д. А. Пригова, а также другого подобного издания — «„Это просто буквы на бумаге...“: Владимир Сорокин: после литературы» — и мыслят настоящий том как продолжение серии «Неканонический классик» (сама идея такой серии принадлежит главному редактору издательства Ирине Прохоровой)². Авторам нашей книги близко и стремление коллег подвести первые итоги изучения творчества их авторов, и междисциплинарность подхода к их наследию. Только, в отличие от первых томов серии, в основе тома лианозовского не лежат материалы конкретных «монографических» научных конференций — в этом смысле Лианозову повезло куда меньше, чем вышеупомянутым «неканоническим классикам»: при жизни поэтов было несколько фестивалей с их участием, вот уже 20 лет неутомимый собиратель и исследователь творчества Г. Сапгира Юрий Орлицкий проводит в РГГУ Сапгировские чтения (в 2020 году

¹ Ронен О. Серебряный век как умысел и вымысел. М.: ОГИ, 2000.

² Имеются в виду следующие издания: Неканонический классик Дмитрий Александрович Пригов (1940–2007) / Под ред. Е. Добренко, М. Липовецкого, И. Кукулина, М. Майофис. М.: Новое литературное обозрение, 2010; «Это просто буквы на бумаге...»: Владимир Сорокин: после литературы / Под ред. Е. Добренко, И. Калинина, М. Липовецкого. М.: Новое литературное обозрение, 2018. Продолжил заявленную серию и том: Владимир Шаров: По ту сторону истории: Сб. статей и материалов / Под ред. М. Липовецкого и А. де Ля Фортель. М.: Новое литературное обозрение, 2020.

состоялись XVII-е), а столь же верные наследники, собиратели и исследователи Вс. Некрасова Галина Зыкова и Елена Пенская уже дважды проводили конференцию, ему посвященную... и, по-видимому, всё!

Так что сверхзадача тома «Лианозова» — не только аккумулировать опыт нескольких десятилетий научного рассмотрения творчества поэтов, но и стимулировать исследовательский интерес как к творчеству конкретных авторов, так и к тем дружеским и творческим связям и пересечениям между ними и их современниками, которые и образуют единое творческое поле «Лианозовской школы» и ее окрестностей. Поэтому, с одной стороны, в томе републикуется несколько классических работ, посвященных творчеству конкретных авторов, но это либо перевод на русский язык (наконец-то полный — как в случае статьи Джеральда Янечка или же первый — Предисловия к тому *Lianozowo-1992* Гюнтера Хирта и Саши Вондерс), либо статьи, существенно доработанные их авторами, с учетом новых данных или наблюдений (статьи Юрия Орлицкого о Генрихе Сапгире, Александра Жолковского об Эдуарде Лимонове). С другой стороны, ряд авторов написали для тома оригинальные работы, либо нигде до этого не публиковавшиеся, либо — публикующиеся в значительно переработанном виде, когда можно говорить о самостоятельном исследовании. Важно и то, что рядом с маститыми учеными, уже не одно десятилетие пишущими о «Лианозовской школе», в том включены и работы авторов, которые недавно обратились к ее изучению, в том числе и такие, кто вполне проходит по разряду «молодых исследователей». Во многом это был сознательный ход составителей, пригласивших самых разных авторов к сотрудничеству: он символизирует собою сохраняющийся интерес к наследию «Лианозовской школы» в современной науке. Другой принципиальный ход — сопряжение в рамках одного тома представителей разных подходов и школ в литературоведении (как «академических», так и «новых»), а также других гуманитарных дисциплин — лингвистической поэтики, искусствоведения, культурной антропологии, социологии литературы. Несколько вошедших в том работ

можно отнести скорее к разряду научной эссеистики, чем строгих в методологическом плане статей — однако и такого рода персоналистическая оптика важна, поскольку позволяет вскрывать аспекты, может быть, недоступные при «объективистском» подходе к художественному материалу.

Несколько слов о структуре тома.

Открывает его статья «Дело житейское: Лианозовская школа» одного из составителей — **Владислава Кулакова**: в свое время он был одним из первых, кто заявил о «Лианозовской школе» как целостном поэтическом и художественном явлении¹, что дало импульс к целому ряду как критических, так и научных работ о данной группе и ее представителях. Теперь же есть возможность посмотреть на Лианозовскую школу с высоты и прошедших лет, и понимания, какое место она заняла в нашей культуре.

Первый раздел тома — «Лианозово в контекстах»: соредактор настоящего издания литературовед **Михаил Павловец** возвращается к вопросу о генезисе ставшего уже привычным определения «Лианозовской школы» как «русского конкретизма», помещая «Лианозово» в контекст европейской «конкретной поэзии», что позволяет выявить специфические черты творчества поэтов, пусть и с принципиальными оговорками, рассматривая их как часть общемировых поэтических процессов. В статье отмечается, что не случайно понятие «конкретизм» малоупотребимо по отношению к «конкретной поэзии» за пределами культурной ойкумены нынешней России: оно стало оригинальным альтернативным названием именно поэзии «Лианозовской школы», а также творчества ряда авторов, чьи опыты были близки зарубежной конкретной поэзии. Чешская славистка и переводчица **Алена Махонинова** существенно углубляет и расширяет материал своих прежних статей, посвященных рецепции поэзии «лианозовцев» в Чехословакии, проясняя механизмы преодоления неофициальной культурой

¹ Одной из ключевых таких работ стала статья: Кулаков В. Лианозово: история одной поэтической группы // Вопросы литературы. 1991. № 3. С. 3–45.

«железного занавеса», существовавшего даже между странами «социалистического лагеря». Эта работа позволяет понять сложность культурных взаимодействий между условными «Востоком» и «Западом», когда авторы и периодические издания из социалистических стран Европы становились своего рода посредниками между неофициальным искусством СССР — и актуальным искусством западных стран, способствуя проницаемости «железного занавеса» и попутно обогащаясь за счет обеих сторон трансферного процесса. Известный не только как поэт и литературный критик, но и как исследователь поэзии, в том числе «наивной» традиции в ней, **Данила Давыдов** рассматривает конкретные творческие практики авторов «Лианозовской школы», в которых можно опознать черты литературного примитивизма — как и упомянутые выше «барачность» и «конкретность» поэтик авторов Лианозовской школы, черты примитивной эстетики по-разному преломлялись в творчестве разных поэтов и на разных этапах их творчества, что и показано в статье, закрывающей первый раздел издания.

Второй раздел настоящего издания — «Лианозово и визуальное»: безусловно, вопрос о взаимодействии поэтов и живописцев «Лианозова» потребовал бы как минимум подготовки отдельного тома, столь обширны и сложны не только дружеские и родственные, но и творческие связи между ними, далеко выходящие и за локальные, и за временные рамки существования «Лианозовской школы» как творческого сообщества. Однако до сих пор этот вопрос в основном рассматривался мемуаристами, а не исследователями — и работа искусствоведа и арт-критика, пишущего под псевдонимом **Веры Весенн**, о перекличках визуальных и поэтических образов в творчестве «лианозовцев», как и статья филолога **Клавдии Смолы** о формировании общего изобразительного ряда в творчестве поэтов и живописцев, о связях «тесноты словесных рядов» и плотности живописных решений с теснотой общего дружеского и творческого круга, становятся важными шагами в освоении данной темы. В тот же раздел включена и статья чешского слависта и арт-критика **Томаша Гланца**, посвященная авторскому решению художника

Виктора Пивоварова по созданию на основе цикла его друга Игоря Холина поэтической книги «Моча и гавно» как солидарного «высказывания» поэта и художника.

Основную часть тома «Лианозовская школа» составляют разделы, посвященные конкретным именам авторов лианозовского круга. Открывает ее, естественно, раздел со статьями об «Учителе» — художнике и поэте Евгении Кропивницком как фигуре, вокруг которой, собственно, и выкристаллизовалась поэтическая группа. Так сложилось, что все три работы раздела выходят на проблему генезиса поэтики старшего автора «Лианозова». Работа итальянского слависта и переводчика **Массимо Маурицио** посвящена истокам образности поэзии Кропивницкого — в самой атмосфере барачной жизни, а также в городском фольклоре этой среды. Работа литературоведа и стиховеда **Павла Успенского** рассматривает формирование новой поэтики Евгения Кропивницкого конца 1930-х — 1940-х годов через обретение поэтом особого поэтического субъекта, впоследствии оказавшего огромное влияние на «лианозовскую» поэтику в целом. В эссе петербургского поэта и критика **Валерия Шубинского** соположены истории выработки своей зрелой манеры двумя разными авторами, оказавшимися в силу сходных обстоятельств за границами «официального» литературного поля, Евгением Кропивницким и Андреем Егуновым (Николевым).

Два следующих раздела посвящены ближайшим друзьям и ученикам старшего поэта — Игорю Холину и Генриху Сапгиру, образующим с ним своего рода «ядро» «Лианозовской группы» вместе с художниками Оскаром Рабиным, Валентиной (женой Рабина) и Львом (ее братом) Кропивницкими. В поле внимания исследователей попадает проза поэтов: критик и литературовед **Александр Житенев** рассматривает конструктивные принципы, лежащие в основе прозы Игоря Холина, а челябинский литературовед **Татьяна Семьян** анализирует сюрреалистическую поэтику прозы Генриха Сапгира. Поэзия Сапгира представлена доработанной версией основополагающей статьи Юрия Орлицкого о сложной диалектике полярных начал и установок в его творчестве (кроме того, статья дополнена рассмотрением творчества поэта

еще на двух контрастах — в сопоставлении его с ближайшим к нему автором — Игорем Холиным и с автором, которому Сапгира не раз противопоставляла, — с Иосифом Бродским). Ярославский исследователь **Алексей Бокарев** рассматривает холинские принципы художественного моделирования реальности на материале его основополагающего цикла «Жители барака» и в сопоставлении с книгой Алексея Цветкова «Эдем», вычлняя характерные черты «барачной поэтики» поэта «Лианозова». Здесь же следовало бы упомянуть статью поэта и лингвиста, специалиста в области философии (в) поэзии, **Натальи Азаровой**, рассматривающей визионерскую природу дарования Генриха Сапгира через призму «языка мистики» в его поэзии; а также эссе писателя и музыканта **Игоря Левшина** о роли Игоря Холина в становлении постсоветской молодежной культуры.

Всеволод Некрасов отрицал свое прямое ученичество у Кропивницкого, но никогда не отрицал значимость своих появлений в Лианозове и общения с авторами этого круга, как не отрицал и свою принадлежность к нему. Его творчество в посвященном ему разделе представлено двумя уже известными, но крайне важными работами — объемной (и доработанной) статьей московского поэта и исследователя некрасовского творчества **Михаила Сухотина** о принципах организации целого в произведениях Вс. Некрасова, а также полным переводом ставшей уже, как говорится, «классической» статьи **Джеральда Янчека** о функции паронимии в его поэтике. Принципиально новое исследование — большая статья наследников архива и ведущих исследователей творчества Вс. Некрасова **Галины Зыковой** и **Елены Пенской** о «детских» произведениях поэта: это не только хроника вовлечения Некрасова, вслед за его товарищами по «Лианозову» Сапгиром и Холиным, в создание книжек для детей, но и анализ подходов к «детскому» творчеству как к литературному ремеслу, продукция которого целенаправленно адресованна «юному читателю», — и как к особому модусу собственного творчества, отличающемуся не прямой адресацией детской аудитории, а лишь отбором тем, могущих ее заинтересовать.

Ян Сатуновский стоит несколько особняком среди прочих поэтов «Лианозова»: в гостях у Кропивницкого или Оскара Рабина он бывал лишь наездами из родного Днепрпетровска, а затем подмосковной Электростали, не имел той же известности в неофициальных литературных и художественных кругах, как его товарищи, однако все чаще эту оговорку опускают, рассматривая творчество поэта в контексте группы. Исследования, включенные в настоящий том, заполняют существующие лакуны, позволяя выявить литературную генеалогию Сатуновского как «младоконструктивиста», — в статье поэта, критика, филолога **Кирилла Корчагина**, а также уточнить представления о составе корпуса и текстов Сатуновского благодаря анализу творческих материалов, сохранившихся в архиве Некрасова, сделанному **Галиной Зыковой и Еленой Пенской**. Здесь же — перевод статьи одного из главных популяризаторов «лианозовского наследия» и исследователей творчества поэтов этого круга **Георга Витте** об «эстетике бедности» в творчестве Яна Сатуновского и других неподцензурных поэтов его времени.

Еще два поэта входили в ближайший круг «лианозовцев», но в полной мере к нему не принадлежали: их творчество рассматривается в разделе «Лианозово» и его окрестности...». Так, Эдуард Лимонов, появившийся в лианозовских бараках уже ближе к концу 1960-х, представлен двумя работами — артистическим и педантичным разбором его конкретных стихотворений давним исследователем творчества поэта и его другом, известным литературоведом и эссеистом **Александром Жолковским**, и компаративным рассмотрением ранней поэтики Эдуарда Лимонова и Д. А. Пригова через призму функции в их текстах тавтологического повтора славистом **Филиппом Кодем**. Еще один близкий «лианозовцам» автор — Михаил Соковнин: он дружил с Вс. Некрасовым, который причислял поэта к «лианозовскому кругу»: о «предметниках» Соковнина, близких своей поэтикой лианозовскому «конкретизму», рассуждает независимый исследователь и критик **Алексей Конаков**.

Группа работ, которым составители настоящего тома отводят особую роль, объединены общим заголовком: «Анализ

одного стихотворения» — они замыкают разделы, посвященные творчеству конкретных представителей поэтического «Лианозова». Продолжая традиции одноименного межвузовского сборника под редакцией крупного стиховеда В.Е. Холшевникова (1985)¹, авторы этих статей не только дают своего рода «мастер-класс» по разбору конкретного стихотворного текста, полезный прежде всего для начинающих исследователей, а также для тех, кто еще только осваивает методы аналитической работы с поэтиками, лежащими за кругом давно утвердившихся конвенций. Каждый такой разбор — путь индуктивного восхождения от отдельно взятого стихотворения — к творчеству поэта в целом, своего рода «ключик» к его чтению и пониманию, причем каждый автор выбирает свой методологический инструментарий для входа в творческую лабораторию поэта. Так, итальянский славист и переводчик **Марко Саббатини** выбрал для анализа стихотворение Евгения Кропивницкого «Секстины»; «Небольшую поэму» Игоря Холина разбирает публикатор наследия неподцензурной словесности, литературовед **Илья Кукуй**; образец лингвопоэтического построчного комментария одного из стихотворений из книги Генриха Сапгира «Терцихи Генриха Буфарева» — «Бутырская тюрьма в мороз» дает поэтесса и литературовед, автор целого ряда статей о сапгировской поэтике, **Дарья Суховей**; стихотворение «Ленинград / Первый взгляд» Всеволода Некрасова анализирует славистка и переводчица **Энсли Морс**; наконец, в широком как литературном, так и историко-политическом контексте рассматривает стихотворение Яна Сатуновского «Пришел рыбак...» критик, литературовед, антрополог культуры **Илья Кукулин**.

Публикационный раздел настоящего тома мыслится как важное дополнение к включенным в него исследовательским материалам. Основное его предназначение — дополнить и сделать объемным тот контекст, к которому обращаются авторы статей. Раздел включает в себя три важных документа соответствующего времени: его открывает предисловие

¹ Анализ одного стихотворения: Межвузовский сборник / Под ред. В.Е. Холшевникова. Л.: Изд-во ЛГУ, 1985.

составителя и переводчика к первой двуязычной антологии русской неподцензурной поэзии «*Freiheit ist Freiheit*» Лизл Уйвари (1975). Здесь же — переведенная на русский язык вступительная статья Гюнтера Хирта и Саши Вондерс (псевдонимы, за которыми скрывались известные слависты **Георг Витте** и **Сабина Хэнсен**) к выпущенному ими в Германии арт-изданию «*Lianozowo-1992*», включившему не только двуязычные подборки поэтов «*Лианозовской школы*», но и открытки с их фотографиями и кассету с записями авторского чтения. Наконец, это полный вариант двух статей Всеволода Некрасова «<В Лианозово меня привезли осенью 59...>» и «*Лианозовская чернуха*», содержащие ценные сведения об истории группы, взаимоотношениях поэтов и художников, излагающая творческое кредо самого автора. Более поздний, уже современный материал — републикация предисловия одного из старейших европейских поэтов, основоположников «конкретной поэзии» **Ойгена Гомрингера** к недавней двуязычной книге Всеволода Некрасова¹. Особое место в публикационном разделе нашего тома занимает подборка избранных писем Евгения Кропивницкого его ученикам — Игорю Холину и Генриху Сапгиру — прежде всего тех писем, которые раскрывают непростые, но в целом очень теплые и взаимно обогащающие отношения мэтра и его молодых друзей, а также переписка Евгения Кропивницкого и его жены, художницы Ольги Потаповой, со Всеволодом Некрасовым.

Завершает настоящий том избранная библиография «*Лианозова*»: основные издания книг и избранных произведений поэтов, их переписки и мемуаров тех, кто был причастен «*лианозовскому*» кругу; наконец — литературоведческих и критических работ, посвященных тем или иным аспектам творчества авторов. Библиография не претендует на полноту — но она может быть весьма полезной тем, кто хочет больше узнать об особой дружеской и художнической среде,

¹ Гомрингер О. «Живу и вижу» — лирика мира по-русски // *Nekrassow Ws. / Некрасов Вс. Ich lebe ich sehe / Живу и вижу / Сост., перев. и послесл.* — G. Hirt, S. Wonders. Münster: Verlag Helmut Lang, 2017.

сложившейся в конце 1950-х годов в подмосковном поселке Лианозово и соседнем с ним городке Долгопрудная, а также разобраться в творчестве представляющих ее авторов.

В заключение этого введения хочется сказать, что авторы представленных в нашем томе статей имели возможность читать друг друга на стадии работы над «рукописями», участвовать в обсуждении и комментировании готовящихся к публикации материалов, так что получившийся том — результат настоящего коллективного труда, а не просто сборник статей и документов. Среди тех, кто не представлен в качестве автора работ, но принимал деятельное участие в подготовке издания, следует назвать идейного руководителя неофициальной серии «Неканонический классик» Марка Липовецкого, поэта и публикатора наследия неофициальной культуры Ивана Ахметьева, издателя Владимира Орлова — всем им хочется выразить глубочайшую признательность. В расшифровке и наборе писем Холину и Сапгиру, подготовке библиографии к тому, вычитке сносок к статьям важную роль сыграла бакалавр программы «Филология» Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» Екатерина Королева, поэтому отдельная признательность ей, а также Научной комиссии Факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ, дважды выделявшей средства на оформление научного ассистентства Екатерины во время работы над изданием. Наконец, библиографический указатель к изданию сделан аспирантом программы «Филология» МГУ им. М. В. Ломоносова Михаилом Сапрыкиным: многие часы, проведенные начинающим ученым за этой работой, сэкономят для будущих исследователей часы поисков нужного имени на страницах тома, так что, надеемся, коллеги присоединятся к нашим благодарностям Михаилу.